

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

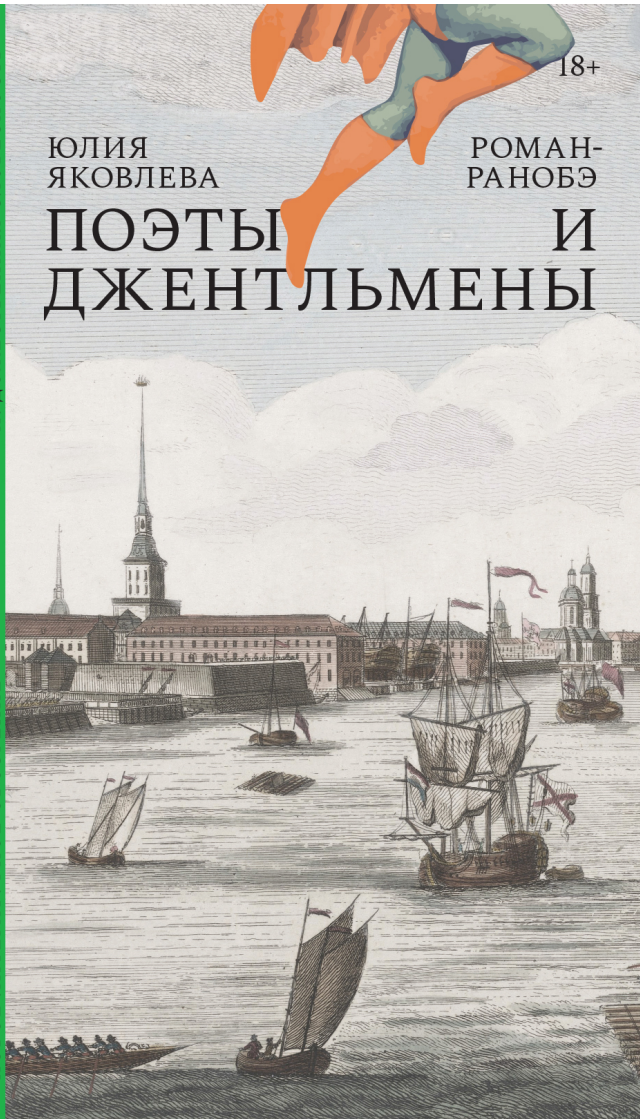
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЮЛИЯ
ЯКОВЛЕВА

РОМАН-
РАНОБЭ

ПОЭТЫ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

18+

Юлия Яковлева
Поэты и джентльмены.
Роман-ранобэ
Серия «Художественная словесность»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70107388

Поэты и джентльмены. Роман-ранобэ: Новое литературное обозрение;

Москва; 2023

ISBN 9785444823550

Аннотация

В разгар Крымской войны вступают в противоборство две группировки писателей: с одной стороны Пушкин, Лермонтов, Гоголь и Чехов, а с другой – Мэри Шелли, Джейн Остин и Анна Радклифф пытаются своими текстами склонить чашу весов в пользу родной державы. В этом романе-ранобэ – разновидности японской манги – Юлия Яковлева создает фантасмагорический мир, в котором литература напрямую связана с исторической реальностью, способна ее менять и переписывать. Динамичный сюжет разворачивается вокруг вполне серьезного вопроса: могут ли авторы совладать с собственными произведениями и насколько они ответственны за дальнейшую судьбу своих творений? Юлия Яковлева – писатель, искусствовед и театральный продюсер, автор книг по истории

балета («Создатели и зрители», «Азбука балета»), вышедших в издательстве «НЛО».

Содержание

Глава 1. Горы	8
Глава 2. Две вдовы	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юлия Яковлева

Поэты и джентльмены.

Роман-ранобэ

Новое литературное обозрение

Москва

2023

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Я47

Редактор серии – Д. Ларионов

Юлия Яковлева

Поэты и джентльмены: Роман-ранобэ / Юлия Яковлева. – М.: Новое литературное обозрение, 2023.

В разгар Крымской войны вступают в противоборство две группировки писателей: с одной стороны Пушкин, Лермонтов, Гоголь и Чехов, а с другой – Мэри Шелли, Джейн Остин и Анна Радклифф пытаются своими текстами склонить чашу весов в пользу родной державы. В этом романе-ранобэ – разновидности японской манги – Юлия Яковлева создает фантасмагорический мир, в котором литература напрямую связана с исторической реальностью, способна ее менять и переписывать. Динамичный сюжет разворачивается вокруг вполне серьезного вопроса: могут ли авторы совладать с соб-

ственными произведениями и насколько они ответственны за дальнейшую судьбу своих творений? Юлия Яковлева – писатель, искусствовед и театральный продюсер, автор книг по истории балета («Создатели и зрители», «Азбука балета»), выходявших в издательстве «НЛО».

В оформлении обложки использован фрагмент гравюры «Вид на берег Невы в Санкт-Петербурге». 1745–1794. Рейкс-музеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam.

ISBN 978-5-4448-2355-0

© Ю. Яковлева, 2023

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

*Ранобэ – это разновидность манги,
развлекательный «легкий роман» с большим
количеством диалогов.*

– Как, разве всё тут? шутите! – Ей-богу.

– Так вот куда октавы нас вели!

К чему ж такую подняли тревогу,

Скликали рать и с похвальбою или?

Завидную ж вы избрали дорогу!

Ужель иных предметов не нашли?

А. С. Пушкин. Домик в Коломне

I know we shall be happy.
J. Austen. Sense and Sensibility

Глава 1. Горы

Ели двигались, ствол втекал в ствол, оба растворялись друг в друге, и тут же этот новый ствол влипал в следующий или сам принимал в себя – так шарики ртути стягиваются в разрастающуюся лужицу. На его глазах лес становился одним огромным деревом. Одновременно освобождал пространство для...

Он знал, для чего. Что должно было случиться.

Так было каждый раз. Каждый раз он ехал через лес – самый обыденный, прибалтийский, ничем не выдающий того, что сейчас начнется. Топотали по снегу копыта. Ели мелькали мимо в притворном равнодушии. В притворном безмолвии. Но легкая щекотка в загривке возвещала: сейчас. И каждый раз ужас захватывал его врасплох.

Огромный ствол... Нет, два. И не стволы, а ноги: мощные, они раздавались в мощные бедра с жирной треугольной складкой лобка. Кручей вздымался живот. Черные круглые соски тяжких грудей, казалось, глядели на него. Каждый раз он силился разглядеть, есть у нее вообще голова-то... Но в этот раз мир встряхнуло на самом интересном месте:

– Владимир Иванович! Владимир Иванович!

Владимир Иванович резко сел, моргая.

Выдохнул сырой балтийский воздух, пахнувший елями, морем, смолой. Легкие на вдохе обожгло сухим горным хо-

лодом, так полезным чахоточным больным. И наконец Владимир Иванович проснулся.

Темнота не сразу проявила очертания палатки. Оранжевый огонь масляной походной лампы показал лицо денщика Яшки – усердное, даже слишком.

– Ох, не суй же прямо в физиономию, – отмахнулся от лампы Даль.

– Вы просили разбудить вас через три часа, господин доктор.

Даль проглотил зевок, удивился ворчливо:

– Уж три часа прошло?

Такая странная эта кампания. Все время хочется спать. Невыносимо. Потер глаза. Раздавил зевок о нёбо.

Краткий сон больше утомил, чем освежил.

Денщик подал меховые сапоги.

Полевой ящик с инструментами Даль уложил перед тем, как рухнуть на походную койку – и кануть в темноту.

Все сам отмыл. Все обернул салфетками, проваренными по методу Пирогова. Все уложил сам. Но затем целых три часа его здесь не было. Лежала только сопящая оболочка на походной койке.

Щелкнул замочками, поднял крышку с фирменным знаком «Шнеттер». Затаил дыхание, чтобы ненароком не впустить в царство асептики какой-нибудь миазм, и приподнял салфетку. Одним взглядом схватил железный блеск инструментов. Верхний ярус: все для трепанации черепа и ранений

головы. Господи прости, надеюсь, сегодня не понадобится. Поднял эту доску. Осмотрел второй ярус: всё для ампутаций. Дугообразная пила, винтовой турникет для зажима культи, три ножа, артериальный пинцет, костные щипцы. Всё на месте. Нижний ярус: щипцы для извлечения пуль, зажимы для артерий, иглы, нити. И пустое место – где должна быть плоская бутыль.

Так и думал.

– Асептик? – Даль обернулся на денщика.

Тот всплеснул руками.

– Вчерась всё извели. Столько резали, кромсали. Долью. Один момент.

Яшка метнулся к ящику у стены. Даль сделал вид, что занят шинелью. Поежился от прикосновения выставшей подкладки. Стал застегивать ледышки форменных пуговиц. Застегивал шинель – а сам прислушивался к звукам за спиной. Клацнул замок. Стукнула поднятая крышка. Звякнула о бутылки бутыль. Тихо.

Даль дорисовал без усилий: томимые жаждой пальцы тебят резиновую пробку.

Даль покачал головой: вот так солдатушки бравы ребятушки и выдули чуть не недельный запас хирургического спирта для обработки инструментов, повязок, ран. А ведь крепость – девяносто шесть процентов. Силен русский человек!

Пробка тихо хлопнула. Бутылка воровато запрокинута.

Буль!

Даль ухмыльнулся, предвкушая. И не ошибся.

Яшка закашлялся, матерясь. Рожа красная. Из глаз слезы.

– Что это? – сказал без голоса.

– Яков, – Даль сочувственно похлопал его по спине, – никогда не спешите, когда пьете. Дабы не попало в дыхательное горло.

Забрал бутыль, заткнул резиновой пробкой.

– Помру? – просипел Яков.

Даль уложил бутыль в ящик. Щелкнул замками.

– Не думаю. От чеснока еще никто не помирал. Есть, разумеется, более приятные на вкус антисептики – ромашка, мед...

– Водочка, – подсказал денщик.

– Так мы поди уже и не в России, мой друг, – пожал плечами доктор Даль. – Здесь в нашем распоряжении только чеснок. И тот дикий. *Allium ursinum*.

Известие сразило. Денщик ответил оловянным взглядом:

– Как же без водочки? Ваше... высока-ародие... Для духа боевого...

Горе было неподдельным. Даль терпеливо объяснил:

– Видите ли, Яков, антисептика в наши дни на положении спиритизма. Научно не доказано. Остается либо верить, либо нет. Я верю. Военное министерство – нет. Поэтому спирта нам больше не выдадут. Все вопросы – к интенданту. Вопросы есть?

Яшка тяжело вздохнул, обдав доктора чесночным амбре. Вопросов не последовало.

Даль нахлобучил фуражку, закинул на плечо ящик. Вес в полной комплектации – восемь фунтов. Эх, ноги не казенные.

– Идем.

***

Изо рта вырывался пар. Ночь была не русской, сквозистой, а южной, непроницаемой. Все белое в ней казалось синим. Мороз был не русский: сухой и острый. Ледяная крошка звезд в небе образовывала созвездия, каких у нас тоже не увидишь. Трава невысоко поднималась от каменистой земли. Ни деревьев, ни кустов. Но небо все равно казалось низким: горы. В темноте Даль видел синие кресты солдатских портупей. Они бесшумно перемещались. По темным провалам среди крестов угадывались очертания легких пушек.

Пришли на позицию.

Даль разглядел синий плюмаж – Тучков! Подошел.

Тучков смотрел в подзорную трубу, стараясь не прикасаться холодным окуляром к векам. Услышал, что шаги стихли. Покосился, кивнул. Даль ответил легким поклоном. Шагнул, запнулся, больно ударившись голенью о край. Звякнуло. Тучков вскинулся: тс! Даль замер. Послушали. Тихо. Но могло не значить ничего.

– Снаряды? – прошептал Даль, кивая на ящик.

– Владимир Иванович, вы пессимист, – шепнул сквозь улыбку Тучков. – Шампанское.

Даль подумал: шутит. Наклонился к ящику. Увидел пробковые головки «Вдовы Клико». Бутылки стыли, запотев.

– Вы оптимист, – изумился Владимир Иванович.

– Ничуть. – Тучков снова принял к трубе. Но самодовольный тон его говорил: да, и не без причины.

Даль решительно не видел ее.

Тучков передал ему трубу. Даль подстроил под свое зрение, но не разглядел ничего, кроме идеальной бархатистой черноты. Зато звезды – хоть считай.

– Вернулись из разведки пластуны. Против нас выставлены шотландские горные стрелки.

– Это ведь скорее дурная новость, – удивился Даль.

– Полагаете?

– Какие уж в России горы...

– Кавказские, – отрезал Тучков.

Даль не то имел в виду. Но понял, почему Тучков велел остужать шампанское: в полку солдаты и офицеры, закаленные кавказскими кампаниями. Умеют обратить в преимущество горный рельеф. Знают его каверзы. Зададут неприятелю трепку. После отчаянных чеченцев шотландцы будут легким противником. Они-то, в отличие от чеченцев, не на своей земле. Что им, шотландцам, этот Афганистан?

...А нам он зачем?

– Что? – услышал заминку Тучков.

– Не знаю, – отказался отвечать Даль. Врать Тучкову – не хотел.

– Они там. – Тучков сложил трубу. Вынул брегет, щелкнул крышкой.

Даль изумился:

– Я ничего не видел.

Тучков глядел на стрелки.

– Вы здесь новый человек, доктор. А мы их приемчики успели изучить. Ровно в полночь начнется.

Тучков покачал головой, все так же глядя на циферблат:

– Английская нация. Пунктуальность прежде всего. Дур-р-рачье. Тут мы их и примем. Ласково.

Лицо Даля выразило замешательство.

– Сомневаетесь? – усмехнулся Тучков, медленно поднял руку в безмолвном приказе «готовься». – Напрасно.

– Вы же сказали, солдаты – шотландские.

– И?..

– Не английские. Шотландия и Англия – это две разные...

– Не будьте таким педантом, – раздраженно перебил Тучков. Стрелки брегета сомкнулись. Тучков яростно отмахнул: пли.

Ночь разорвалась. Земля брызнула. Вспышки и грохот по обе стороны тут же сменились криками, топотом, звоном. Все перекрывал вой волюнок. Артиллерия перезаряжала. Рукопашная началась.

Даль с хирургическим ящиком ринулся вперед. Из всех сил таращил глаза в хрипящую, топочущую, бряцающую темноту. Удар в голову погасил звуки, краски, мысли. Но лишь на несколько мгновений. Даль сплюнул песок и снег. В ушах звенело. Лопались выстрелы. Звенела сталь и броня. Подполз на четвереньках: ящик цел! Увидел подле себя ноги. Ринулся, приложил пальцы к шее.

– Ебаный кот, – простонал солдат. Плечо было мокрым от крови. Рана шотландским палахом.

– Жить будешь, – заверил Даль. – Лежи смирно.

Дунул в свисток. Носилки – сюда! Первое правило: оттащить раненых из бучи. Там разберемся. Из темноты вынырнула фигура. Даль успел заметить оскаленный усатый рот. Высокую шапку. Подумать: не наш. Свистнула в замахе сабля. Даль ужаснулся. Но шотландец заметил белую повязку: врач. Хоть и враг. Кивнул. Неписанный кодекс войны. Сделал выпад мимо. Чмокнула плоть. Темнота захрипела: «бля». И Даль бросился к следующему раненому. Но рука схватила его за шиворот.

– Кр-ретин! – заорал в лицо Тучков. – Героя корчишь? В палатку – марш!

Оттолкнул.

– Пшел!

Атаки накатывали волнами. Санитары едва успевали утаскивать раненых на позицию, в хирургическую палатку. Даль накладывал жгуты тем, кому мог помочь позже. Давал опиум тем, кому уже не мог помочь никто и никогда. Руки его были липкими от чужой крови. Руки тряслись. Колени тряслись. Во рту пересохло. Он чувствовал себя мясной мухой, которая снует от тела к телу. Не соображая, не вникая. Движимая одним инстинктом. Лететь на хрип. На стон. На запах крови. От груды мяса к груды мяса.

Еще носилки. Даля поразили колени. Голые, шишковатые, покрытые рыжим пухом. Он одернул клетчатый подол, скрыл член и волосатые ляжки.

– Яшка! – хохотнул санитар. – Басурмана спьяну притащил. В юбке!

– Выкидывай его отсюда на хрен, – раздался совет с носилок.

Даль возмутился:

– Не басурмана. А раненого.

Лицо шотландца было бело. Бакенбарды обрамляли его, как языки пламени. Глаза вперились в потолок. Обозначились желваки.

– Уважаемый сэр, – заговорил Даль по-английски. – Вы слышите?

Раненый, видимо, переживал то, что называли «болевым аффектом». Даль приложил к шее пальцы. Поразился: кожа была холодна. Большая кровопотеря? Даль задрал ему куртку и рубаху. Казацкая пика прошла сквозь бок. Если задела печень, то бедняга доживает последние мгновения. Тело было бело почти мертвенной бледностью. Значит, все-таки задета печень.

– Опий! – крикнул Даль.

Но на куртке и рубахе крови не было. Не было и на юбке. «Занятный случай», – подумал Владимир Иванович.

Ибо, как справедливо говорится, кому война, а кому мать родна.

Военным хирургам она уж точно была матерью. Каждая стычка давала опыт: ампутаций, трепанаций, остановки кровопотери, накладывания жгутов, очистки ран. С каждым боем все это ты научался проделывать все лучше, все быстрее. Война закаляла руку. Заостряла глаз. Подкидывала интересные случаи. Заставляла находить новые методы. Искать. Открывать. Двигать медицину вперед.

«Очень, очень занятно».

Владимир Иванович решил повременить с опием. Тем более раненый шотландец не орал, а сносил боль достойно. Возможно, даже удастся спасти.

А раненые все прибывали.

Пальцы едва слушались. Жгут норовил выскользнуть. Он затянул его, отметив: придется пилить по голени. И тут же

забыл, что подумал. Воздух вибрировал от стонов, криков, брани. Даль собрал мысль заново.

– Пилить по голени, – повторил вслух. В надежде, что фельдшер или санитар услышит, накорябает записку, не забудет.

Покачнулся. Перед глазами заплясали мушки.

Тела, тела, тела. Еще живые. Или уже неживые. Ему показалось, он слышал свисток снаружи, в отдалении.

Похожий на тот, которым он подзывал носилки.

«Но ведь я – здесь», – тупо удивился. Понял: сознание начало шутить.

Его мутило.

Пахло мясом. Поверх йода, поверх камфары. Нестерпимо пахло мясом. И кишками.

Даль, едва не оборвав полог, выскочил из палатки. Его вырвало желчью на собственные сапоги.

А потом его поразила тишина.

Сперва он подумал, что не заметил ничего, занятый ранеными. Но потом увидел: не только он! Все были растеряны.

Ночная тьма сменилась синей, предрассветной. Солдаты стояли группками или порознь. Таращились. Казаки опирались на пики, недоуменно дергали себя кто за чуб, кто за ус. Офицеры исподтишка оглядывались, прикрикивая без уверенности:

– Спасибо, братцы. Славно дрались. А теперь идемте. Нечего смотреть.

Артиллеристы взобрались на орудия, но и это не проясняло дела.

Как будто невидимая рука просто вырвала страницу с описанием боя.

Неприятеля не было вообще.

Если не считать убитых. Красные куртки шотландских стрелков выделялись на изрытом снегу. Но забрать тела никто не спешил.

Одно слово порхало над всеми, как воробей: опять... опять... опять...

Что ж это за кампания такая?

Полковник Тучков, замызганный и забрызганный кровью, шел к штабной палатке. Увидев, что командир повернул, солдаты и офицеры потянулись к палаткам. На всех лицах сквозь усталость проступало недоумение. Ловко отступить – одно. Чеченцы ускользали в горы тоже внезапно и ловко. Но бросать своих мертвых? Есть же воинская честь.

– Паскуды, – сплюнул ефрейтор в перепачканном мундире. – Нехристи.

Всем остальным тоже это показалось нехорошо и странно.

– Что за курьезная тактика, – задыхаясь, бежали за Тучковым адъютанты, придерживая на боку саблю. – Каждый день одно и то же.... Вот и опять... Ровно в полночь начинать... Зачем? Хотя знают, что мы знаем... Вот и опять... Ровно перед рассветом – опять ни души... Какая цель?

– Возможно, они пришлют парламентаров позже? – крик-

нул Тучкову Даль. – За телами.

Но никто в его сторону и не глянул.

Тучков кивнул адъютанту:

– Похороним всех своей командой. Отрядите Морозова. Не впервой. Поп всех отпоет. Господь Бог сам разберется, кто чей.

– ...И пленных ни одного, – тихо отметил адъютант. – Опять.

– А вот здесь вы изволите ошибаться! – возразил Даль.

На сей раз все обернулись на него сразу же.

– Что?

– Как вы сказали?

– Как-с?

– Что? – прохрипел Тучков. – Где?!

Офицеры поспешили в хирургическую палатку. Обступили раненого. Даль растолкал их, опасаясь, что пленный успел умереть. Тот выглядел ровно так, как Владимир Иванович его оставил: ни кровинки в лице, холоден. Жив. Даль сам не понимал, радоваться этому или нет, – лучше шотландцу тоже не стало.

Господа офицеры молчали. Все они немало повидали раненых. Но этот внушал непонятный тихий ужас, какой лошадам внушают мертвые.

– Он в беспамятстве?

– Он будет жить? – подал голос один из командиров.

– Займитесь же им скорей, доктор! – потребовал Тучков. –

Даже если он придет в себя на несколько минут, попробуем его допросить! Как знать, быть может, он разъяснит происходящее.

Владимир Иванович был правдуроб по натуре. И запросто мог бы упереться рогом – хоть бы и перед самым полковником Тучковым: мол, здесь решаю я, кого оперировать в первую очередь. Вернее, не я, а медицинская необходимость.

Но в данном случае честно признал: он сам не понимает, насколько плох шотландец. И потому без споров принялся мыть в тазу руки.

– Да поторопитесь же! – топнул Тучков.

Даль раскрыл ящик с инструментами. Разрезал и снял куртку, рубаху, обнажив грудь, покрытую рыжей шерстью. Тело было таким белым, что казалось голубоватым. Даль невольно содрогнулся, но тут же успокоил себя: «У рыжих это часто». Бледность. Необычная бледность. «Ничего необычного!» Вынул бутыл с антисептиком. Отнял пробку, чтобы не взболтать осадок. И щедро плеснул на рану.

– А-а-а! – заревел шотландец, офицеры невольно отпрянули.

Глаза его широко раскрылись. Члены затряслись. Пальцы дрожали мелкой дрожью. Судорога несколько раз подкинула тело.

Даль схватил его за руку. Но с таким же успехом мог пытаться остановить бьющуюся лошадь.

– Держи! – заорал, чувствуя, что не сладит.

Фельдшер, обычно помогавший держать раненых при ампутациях, – детина с бычьей шеей – тут же навалился отработанным движением, подмял под себя. Даль наклонил над раной бутыл с антисептиком. Опять ударил чесночный запах. Шотландец заревел пуще. Выгнулся. Силач-фельдшер отлетел, отброшенный.

Шотландец вскочил на ноги. Кожа покрылась язвенными пятнами. От них шел сизый дымок. Из глаз, ушей и носа струилась черная вязкая кровь.

Бакенбарды и волосы стояли дыбом.

«Похож на льва», – подумал Даль.

А затем глаза шотландца выкатились из орбит. И лопнули, как перебродившие виноградины.

– Господь всемогущий! – вскрикнул Тучков, хотя обычно поминал Господа исключительно скептически. Шотландец, как был в одной юбке и шерстяных гольфах, ринулся из палатки, выставив вперед руки и давя ногами по лежащим на полу.

– Держи!

– Не дайте ему уйти!

Перепрыгивая через раненых, офицеры выскочили. Даль за ними. И тут же впечатался лицом в спину адъютанта.

Рассветное солнце приподняло край неба, показало нежную розовую, золотую изнанку.

– Господь всемогущий, – просипел Тучков. Его религиозность проделала в эту ночь долгий путь.

Шотландца не было.

Ни больного, ни раненого, никакого. Точнее, ни единого. На поле схватки лежали только трупы в русских мундирах, подставляли солнцу белые кресты портупей.

– Эт-то... – заикаясь, предположил адъютант, цепляясь за разумное объяснение из всех сил, – я п-п-понял. Рота Морозова, значит, сперва неприятельских солдат похоронила. А потом...

Никто не успел возразить, что рота Морозова проделала это, должно быть, с какой-то нечеловеческой быстротой, – как из-за хирургической палатки – будто нарочно – вывернула эта самая рота. С сержантом Морозовым во главе. Лопаты на плече, во рту сигарки. Следом трусил полковой священник. Кадило в его руках еще не было зажжено. Лопаты блестяли. Совершенно сухие.

Увидев искаженное лицо Тучкова, Морозов встал во фрунт, козырнул:

– Виноват.

– Вольно. Доложить, – бросил Тучков.

– Задержались, ваше сиятельство. Виноват, – повторил он. – После ночной вылазки позволил роте передохнуть и покурить, я...

Но Тучков махнул рукой:

– Действуйте согласно ранее данному приказу.

– А где покойные шотландцы? – с невинным любопытством пробасил батюшка.

Даль отошел к отвесной каменной круче. Казалось, сидит атлант: обширная спина, голову втянул в плечи. Каменные ягодицы закруглялись где-то над головой доктора. Чтобы унять в руке маленькую дрожь, Даль приложил ладонь к камню. Влажный холод. Утренняя роса сверкала алмазами. Клочок тумана хотелось сдернуть и обтереть им пылающее лицо. Наверху небо не спеша рассказывало все, что знает о перламутре; выходило много. Даль зажмурился от укола света и опустил взор. В горле першило, в глазах – будто песок, в мозгу тоже. Еще одна бессонная ночь. Еще одна ночь без ответов. Только вопросы. Вопросы, вопросы, вопросы...

– Да твою ж мать налево. – Даль шарахнул по каменной заднице кулаком. Раздался треск, с которым рвут портянку. Не такую, какую положено по уставу. А такую, с которой наварил себе сперва поставщик, потом интендант. Кулак провалился в прореху. По коже царапнули края. Даль задергался, вытащил. Уставился на дело кулака своего. Дыра была неровная, по краям торчали волокна. Сквознячок, что шевелил их, пах неплохими духами. Даль старался не слушать звон в груди. Осторожно приблизил к прорехе лицо. Глаз.

***

Петербургский денек за окном был сереньким, мокреньким – словом, самым обычным. Хозяйка недавно встала. Уже протерла лицо кубиком льда. Но еще не оделась. Так

что пытливый взор легко мог удостовериться, что госпожа Жюли Гюлен стройна, как пальма. Ее бюст, ее талия, ах! И все это без ухищрений парижского корсета фасона «наяда». Сквозь пеньюар просвечивала розовая кожа. Рыжевато-золотистые волосы были распущены по плечам. Госпожа Гюлен задумчиво водила по ним щеткой. И поглядывала в зеркало не столько на себя (в своей красоте она была уверена), сколько на господина в кресле.

Он был жалок.

А его предложение – жалким и возмутительным.

– Но Мишель! – Госпожа Гюлен возмущенно подняла брови. Проверила отражение в зеркале. На лбу появилась морщинка, некстати намекавшая, что госпоже Гюлен несколько больше лет, чем она сообщила при заключении контракта с петербургским Французским театром. Поэтому брови пришлось опустить. А гнев, таким образом, сменить если и не на милость (до этого было еще далеко), то на холодное презрение, которое обеспечивало лицу гладкость.

– Дорогая Жюли, я в вашей власти, – лепетал господин. – Какой конфуз... Какое положение... Безвыходное!

Безвыходность заключалась в том, что титул князя Туркестанского Мишель, то есть Михаил Аркадьевич, уже получил, указом его императорского величества. А победу, решительную победу в афганском Туркестане, у англичан все еще не вырвал. Хуже: невозможность этой победы теперь была ясна даже ему, человеку довольно глупому.

– Застрелитесь, – предложила Жюли. Выражение сочувствия обозначило бы морщины у носа, а потому было некстати.

Мишель схватился за волосы: реденький венчик вокруг лысины, прикрытой париком. Сам парик он не трогал, опасаясь сбить.

– И это все, что вы можете мне сказать?! После...

Он хотел добавить многое... После английской коляски?! После оплаченной квартиры на Морской?! После туалетов?! После цветов на каждый спектакль?! После бриллиантов?! После того, как я вырвал для вас у дирекции императорских театров этот сраный контракт с двойным бенефисом?! И это все – в ваши тридцать два года?! Но напомнить Жюли о возрасте значило бы разбить отношения навсегда. И потерять все сделанные инвестиции – коляску, квартиру, бриллианты, взятку директору театра. Поэтому Мишель благоразумно закрыл рот.

Жюли пожала розовым плечиком:

– После так после. Что же я могу сделать?

– Просто придите на этот ужин.

Жюли положила щетку. Вгляделась в зеркало. Морщинка это под глазом? Или еще нет?

Мишель видел, что она задумалась. Сердце его радостно екнуло:

– Уверяю вас, князь Меншиков – ваш давний поклонник.

Жюли не удержалась – брови подпрыгнули сами:

– Князь Меншиков? Который... мой бог... но он же...

«Морской министр!» – вертелось на онемевшем от радости языке. Но Жюли сумела проглотить опасные слова:

– Он же... ему много лет, – находчиво выкрутилась.

– Он в возрасте щедрости и мудрости, – кисло заметил Мишель. – То есть мудро понимает, что в его возрасте за удовольствия приходится платить щедро.

Уступить Жюли другому содержателю – более влиятельному, более богатому – было несколько больно для самолюбия. Но он ведь с самого начала знал, что рано или поздно придется, так? Что ж. Вот этот час и пробил. Час обналичить акции. И увидеть: сделанные инвестиции либо вернутся прибылью, либо сгорят. Только морской министр князь Меншиков мог вызволить князя Туркестанского из афганского тупика. Спасти его титул. Его карьеру. Его репутацию. Это определенно стоило и коляски, и квартиры, и всех уже потраченных на Жюли денег.

Жюли поднялась. Приняла позу графини Амалии из пьесы господина Матье. Плечи развернуты, подбородок вскинут, в глазах – негодование.

– Вы возмутительны. Ваши слова оскорбительны. Неопишуты. Беспримерны.

Выдержала паузу. Воздела руку. И холодно изрекла:

– Я люблю желтые бриллианты и розовое шампанское.

Князь Туркестанский схватил шляпу с плюмажем. Выпрыгнул из кресла так резво, как только позволяла подагра.

Едва не сшиб в дверях горничную с корсетом «наяда» в руках.

– Бриллианты – желтые. Шампанское – розовое! – крикнула госпожа Гюлен вслед. – Не перепутайте!

Топот князя Туркестанского стих.

– Редкостный болван, – заметила Жюли и подняла локти, чтобы горничная помогла надеть корсет.

***

Даль отпрянул. Заморгал. Скала. Прореха. Небо. Только в перламутре его теперь преобладал голубой. Даль опомнился. Рванул в палатку. Под полог. Клацнул пастью ящика. Выдернул из гнезда гнутую хирургическую иглу. Руки тряслись. Не сразу вдел нитку. Бросил ящик открытым. Сломая голову понесся обратно. Спотыкаясь на рытвинах и крепче зажимая иглу в пальцах. Не упал, не потерял. Осадил у скалы. Прореха была на месте, сквознячок оттуда пах все теми же духами. Сердце Даля тяжело бухало, от ударов его подскакивал желудок, кишечник свело спазмом. Стараясь не глядеть, не вдыхать, не прислушиваться, Даль вонзил иглу. Потянул нить. Игла норовила ужалить пальцы. Стежки ложились грубо. Ну и к черту. Не лицо ж зашивает.

– Господин Даль!

Рывком затянул нить. Выдернул иглу. Чтобы замаскировать шов, рванул за волосы траву вместе с дерном.

– Что вы делаете? – удивился полковник Тучков. Глаза у него были обведены черными кругами. Черный круг, белый круг, в середине черное «яблочко». Две мишени. Даль прыснул, мелко затрясся. Глаза-мишени Тучкова подернулись туповатым недоумением: обижаться или нет?

– Извините, – заглох Даль.

– Какая-то лекарственная трава? – с уважением, но без интереса спросил Тучков.

Даль посмотрел на свои руки. Между пальцами торчали стебли, торчали корни.

Даль ткнул пучок поверх наложенного шва – спиной от-теснил взор Тучкова:

– Я сперва подумал, что лекарственная. А теперь вижу – обознался. – Он пристроил маскировку получше, утоптал. – Горная флора. Все виды немного отличаются от наших. Легко обознаться.

Посмотрел критически: видно? не видно? Хотелось верить, что нет. Потянул носом. Духами, по крайней мере, больше не пахло.

– Это да, – как-то слишком поспешно согласился Тучков. – Насчет обознаться и отличаются. Я как раз хотел вас спросить как... э-э-э... специалиста...

– Господин полковник... Дружочек, – проглотил зевок, икнул Даль. – Зачем вам ответы?

Тучков заморгал.

Даль воспользовался заминкой в его умственном процес-

се, проскользнул мимо – и быстро скрылся в палатке.

***

Час спустя эта же горничная, закутанная в клетчатый клоч, подошла к подъезду французского посольства и передала швейцару записку для господина посла. Записка была не запечатана. Этого не требовалось. По дороге в лакейскую в нее сунул нос швейцар (агент на жалованье русского Третьего отделения). А по дороге к кабинету посла – и лакей (тоже агент на жалованье Третьего отделения). Вечером того же дня содержание записки было письменно донесено шефу Третьего отделения графу Дубельту. Утром подшито к делу о наблюдении за французским посольством. И забыто.

Ибо содержание ее было самым тривиальным:

«Девушка Лансье нижайше просит господина посла о финансовом вспомоществовании для возвращения на родину морским путем».

Жюли Гюлен была уверена, что сумеет вытянуть из русского морского министра военные сведения беспримерной ценности. Так близко к источнику французская разведка еще не подбиралась.

Тридцать два года – все-таки великое дело. Плоть, быть может, и теряет упругую свежесть, которую так беззаботно не ценишь, когда тебе шестнадцать (возраст, когда Жюли Гюлен начала карьеру). Но зато приходит опыт. Который, впрочем, в шестнадцать лет тоже не ценишь – просто потому, что не имеешь о нем ни малейшего представления.

Морской министр князь Александр Сергеевич Меншиков сидел на диване в вальяжной позе. Глаза его блестели, на щеках играл румянец. А во всех движениях сквозила та особая, самоуверенная и неторопливая сытость, по которой безошибочно узнаешь, что накануне вечером этот мужчина получил искуснейшую порцию... нет, не то, что вы подумали. А лести.

Был густо обмазан медом комплиментов, осыпан похвалами. И всё под видом разговора о нем самом. О его впечатляющей личности. О его интересном парадоксальном характере. О его уникальных привычках, рисующих яркий ум. О его баснословном опыте. А уж как Жюли хохотала над его шутками! Не забывая, конечно, под столом ласкать пах морского министра ловкой ножкой в шелковом башмачке. Что позволило ей убедиться, что дальше разговоров этим вечером дело не дойдет. Князю Меншикову было за шестьдесят. Но разговоры с Жюли были лучше всего, что только могла

женщина дать мужчине в постели.

– Друг мой, – добродушно призвал Меншиков князя Туркестанского, – изложите же мне все по порядку.

Порядка в облике князя Туркестанского и правда было маловато. Парик сидел криво. Под глазами – мешки. По мундиру хотелось пройтись щеткой.

Зато Меншиков сиял. Ордена на груди министра были похожи на морские звезды, а золотые погоны – на актинии с густыми золотыми щупальцами.

– Коротко и по существу, – предложил морской министр.

Князь Туркестанский думал три секунды и высказался короче некуда:

– Катастрофа!

– Ну-ну, мой друг, – сцепил морской министр руки на животе, выпиравшем из-под мундира. – Выпейте чаю. И расскажите, что стряслось.

Князь Туркестанский торопливо обжег губы чаем. Отставил чашку. И начал:

– Как вы знаете, господин министр, завоевания афганского Туркестана изволил благоугодно пожелать государь. В заботах своих о процветании России государь милостиво и проницательно увидел в Афганистане ворота в Индию. Разумеется, государю известно было о мечтаниях его дражайшего деда омыть сапоги наших казаков в Индийском океане. Но государь проницательно пожелал держать эти ворота на замке. Дабы заведомо пресечь поползновения Британ-

ской империи на расширение своей территории вплоть до...
– Мишель сглотнул и умолк.

– Государь бесконечно мудр, – заметил министр.

Мишель снова залепетал:

– Удивительно злосчастная кампания. Мы были уверены в ее успехе. Наши доблестные, испытанные на Кавказе полки были экипированы наилучшим образом. Опытнейшие командиры разрабатывали военные действия. Разведка исправно собрала сведения о силах неприятеля, который выставил против нас шотландских горных стрелков. Наш штаб...

Мишель благоразумно не сказал «я».

– Наш штаб полагал завершить кампанию в три недели. Разбив или обратив в бегство шотландские полки. Но они... Они...

– Так и не появились? – участливо подсказал морской министр.

– Да!.. нет. То есть и да, и нет. Неприятель повел себя крайне необъяснимо. Атаки начинались ровно в полночь. Можно было сверять по брегету. Наша армия всякий раз дралась блистательно и наносила неприятелю страшные потери. Но... но...

Челюсть Мишеля задрожала. Меншиков – весь в сиянии вчерашних ласк – искренне пожалел его:

– Неприятель обладал слишком весомым численным преимуществом?

– Нет.

– Превосходил вооружением?

– Нет.

– Неужели храбрость наших солдат и боевой дух...

– О нет! Все это на надлежащей высоте.

– Так что же? В армии началась эпидемия холеры? – Тон морского министра стал раздраженным.

– Нет.

– Черт вас побери, князь! – воскликнул в сердцах министр. Чашки отозвались тоненьким фарфоровым звоном. – Вытягивать из вас сведения – все равно что вытаскивать экипаж из воронежской грязи!

Мишель закрыл лицо руками. А министр метал громы и молнии:

– Говорите толком, если желаете, чтобы я вам помог. Или выкатывайтесь вон! В отставку! В имение!

При каждом залпе министра Мишель вздрагивал. Потом проговорил из-под ладоней:

– Это неописуемо, Александр Сергеевич. Неприятель нападает среди ночи. А к утру исчезает. Не оставляя ни оружия, ни убитых, ни раненых. Мы не сомневаемся, что в каждом бою наносим неприятелю большие потери. Но черт подери, мы их не видим! Нет даже трупов!

– Хм, – только и сказал Меншиков.

– Такая тактика производит тяжелое впечатление на наших солдат. Вкупе с тяжелыми природными условиями. Вку-

пе с...

Не стоило добавлять: «воровством интендантов». Груз сведений сломил его самообладание, Мишель отнял от лица руки и взвизгнул:

– Mon dieu!.. Александр Сергеевич, мы вляпались! Этот Афганистан... Мы не кончили кампанию в три месяца. Хуже того. Не кончим и в три года. Возможно, никогда. В ней не победить. В ней можно только завязнуть. Для России это второй Кавказ!

Он посмотрел на министра с надеждой.

Морской министр задумчиво смотрел в свое отражение в лакированной столешнице. Барабанил по нему пальцами.

Вы, наверное, уже всю стараетесь припомнить карту и задались вопросом: а где, собственно, в Афганистане – море? Разве оно там вообще есть? Горы – да. Пустыни – да. Но при чем здесь морской министр?

Ни у кого из знавших князя Меншикова и государя Николая Павловича такого вопроса не возникало.

Море тут было ни при чем. Да и князь во флотских делах был ни ухом ни рылом. Карьеру его подпирало другое умение: князь Меншиков умел острить. Причем понятно. Нет, не умение, а дар богов, бесценный дар. Потому что император ненавидел дурные новости, затейливых людей, сложные идеи, серьезных женщин, неудачников и неудачи. Он их всех боялся. Но князь Меншиков обо всем этом умел рассказать так, что бояться было нечего. Все выглядело смеш-

ной ненужной дуростью.

Когда господин Клейнмихель предложил проект железных дорог, князь Меншиков в комитетском споре ответил: «Если у нас с Клейнмихелем дойдет до дуэли, я предложу не шпаги и не пистолеты. Мы сядем в вагон поезда. Там увидим, кого убьет!»

Император посмеялся. Но железную дорогу все-таки построили. А Клейнмихель получил баронский титул. Из чего ясно, что тактика князя Меншикова приносила плоды не всегда. Но сам он говорил «почти всегда». Он был из тех, кому стакан всегда наполовину полон, а не наполовину пуст. Что, согласитесь, обычно нравится людям. Доклад его государю об Афганской кампании и состоянии дел в войсках выглядел так:

– ...Да, кстати. Князь Туркестанский. Гюленша дала ему отставку.

– Ну! – Оловянный взор императора блеснул интересом.

– Туркестанский, желая оправдать дарованный вашим величеством титул, застрял в афганских горах. Все рыскает с армией в поисках неприятеля. Друг друга пощипывают, и так уже который месяц. Говорят, что...

– Что же мадемуазель Гюлен? – нетерпеливо перебил император. – Еще горюет? Уже нет? Кто новый счастливец?

Князь Меншиков со сдержанным достоинством поклонился. Джентльменская улыбка в усы развеивала последние скабрзные сомнения.

– О, – поудобнее уселся в кресле император. Он ждал подробностей.

– Так вот, Афганская кампания, ваше величество, – искусно напомнил Меншиков.

Император поморщился, замахал рукой, как будто над ухом звенел невский комар, известный своим противным голосом:

– А к черту, к черту Афганистан. Закругляйтесь!.. Так что Гюлен?

На том все и кончилось.

***

Горы нависали темными громадами. Звезды были холодны, как иней. Она поглубже сунула руки в муфту – вынимать их не хотелось. Сквозь расщелину дорога внизу кремнисто блестела, заставляя всякого культурного русского вспомнить строки Лермонтова. Но дама этим языком не владела. А русских здесь не было. Отступили. В этом вся причина... Причина, по которой она мерзнет.

Ступни в козловых ботинках окаменели. Холод забирался под колокол юбки, и по ногам, к самым панталонам, пробежали молнии озноба. Зубы начали выстукивать дробь. Наконец она их увидела! Красные мундиры в темноте казались фиолетовыми. Пышные высокие плюмажи напоминали меховые шапки пехотинцев, но она уже научилась различать

их даже в темноте. Блестели дула орудий, стволы винтовок и дудки волюнок. Ночь была впереди. Они шагали бодро. Ать-два. Левой-правой. Неутомимые, неуязвимые. Равнодушные к холоду. Она не удержалась от улыбки. Грустной и нежной – почти материнской. Милые создания.

Но пора.

Скоро рассвет. А петухов здесь нет. Вот и приходится все самой, все самой...

Она выпростала из муфты руку. Блеснул между пальцами свисток.

Высокий звук пробил в ночной тишине отверстие с игольное ушко.

Строй остановился. Негромкие команды офицеров тут же сменились бряцанием: затягивали ремни,правляли палаши. Смирно!

Первыми оттолкнулись от земли солдаты арьергарда. Движение бежало по колонне с конца в начало – точно невидимые пальцы отдирали ленту. Воздух заполнился шуршанием и треском, как от стаи саранчи.

Дама терпеливо разглядывала носки своих башмаков – чтобы опять не увидеть ненароком в небе такого, что оскорбит свойственную ее полу стыдливость, ибо шотландские стрелки (за исключением офицеров) не имели обыкновения носить панталон или «невыразимых».

Выждала достаточно. Подняла подбородок. Черные точки людей в воздушной тьме были едва видны. Помахала небу

рукой в перчатке, а потом ею же опустила с полей шляпы на лицо плотную вуаль. Ощутила на губах ее холодное сетчатое прикосновение. Сдула:

– Бр-р-р-р.

Хотелось к огню, к камину, к чаю.

***

Доктора Даля полковник нашел у хирургической повозки. Доктор сидел на перевернутом ведре, в котором обычно выносили ампутированные руки и ноги. Курил трубку. Он так устал, что не вскочил, не поздоровался. Только скосил на Тучкова глаза.

Все они устали. Устали не сегодня. Устали за много недель. Какая странная эта кампания. Ночные бои. А днем тишина, от которой в голове какой-то стеклянный шум. Верно говорят про англичан: все они малость ку-ку. Так и самому спятить можно. Тучков сел рядом с доктором прямо на землю. Едва тело перестало двигаться, его сразу начало клонить в сон.

Отступление как раз было легким. Неприятель не клевал след. Тучков даже задумался: а не сделал ли неприятель то же самое? Не отступил ли? Кому она нужна, эта земля: голая, студеная, каменистая... Для всех чужая. Кроме коз и облаченных в халаты бородачей с их окутанными чадрой женами. Тучков вынул портсигар. Рукава доктора были закатаны

до локтей. Кожа на руках шелушилась. Полковник посмотрел на красные шелушащиеся пятна. Они ему страшно вато напомнили...

– От частой... – перехватил его взгляд доктор. Он не был уверен, поймет ли Тучков слово «дезинфекция». Не похоже было, поэтому пояснил: – От частого мытья.

– Нашли где блистать чистотой, – криво усмехнулся Тучков, папироса в углу рта. – В афганском Туркестане. Дам здесь нет.

Врач мотнул головой:

– Не для дам. Для асептики.

На сей раз непонятное слово выскользнуло. И Тучков тут же в него уперся:

– Не понял.

Даль вздохнул. Сил не было объяснять, но пришлось:

– Теория эта не доказана. Вернее, мы располагаем только эмпирическими наблюдениями. У врачей, которые моют спиртом, хлором или хотя бы настойками свои руки и инструменты, пациенты и раненые выздоравливают лучше. Почему – никто не знает.

– В жизни много непонятного, – с дальним прицелом заметил Тучков.

Подступить к интересной ему теме он решил осторожно – пробуя на верность каждый шаг. Слишком дикими казались ему собственные мысли. Хотелось с доктором поделиться. Получить, так сказать, научное мнение. Но не хотелось, что-

бы доктор потом пустил слух, будто он, Тучков, спятил.

Оба выпустили дым.

– Некоторые болезни, например, – тверже добавил Тучков.

– О да, – с энтузиазмом согласился доктор.

Тучков сделал следующий шаг – не сводя глаз с усталого лица врача:

– Тропические, например.

– О да!

Полковник оживился:

– Вот я так и подумал! Кто его знает. Их то есть. Шотландцев этих. Горные стрелки. То они в Индии. То они в Африке. То в Вест-Индии. Солдат там, куда пошлют, верно? Правь, Британия, морями, как говорится. Верно? Над Британской империей, пишет «Петербургская газета», никогда не заходит солнце. Прикажут – и отправишься дальше чем на три буквы. Верно? В Африку или в Вест-Индию. Бес его знает, что они там за болезни подхватить могли. Шотландцы эти. В тропиках. В джунглях. Верно?

Доктор смотрел ему в лицо и молчал.

«Решил, что я того. Ку-ку. Не надо было с ним про болезни», – пожалел было Тучков. Как вдруг доктор спросил:

– Вы слышали о вампирах, полковник?

– Виноват? – Тучков слегка обиделся, что доктор столь неучтиво переменял тему.

Взор Даля загорелся.

– Вернее, читали? В английских романах? Люди – и не люди. Выглядят как люди. Вампиры действуют по ночам. Неуязвимы для обычного оружия. Но солнечный свет для них убийственен. Питаются кровью... Вспомните, сколь часто находили мы в горах трупы коз с разорванным горлом. Сначала я думал, волки. Но ведь волков-то мы ни разу не видели. Не слышали воя. Не находили даже волчьих экскрементов... – И прежде, чем Тучков ответит обычное свое «не понял», быстро перевел для него на более понятный русский: – То есть говна.

– Виноват... – Тучков оторопел. На папиресе его нагорал столбик пепла. Потом упал, и тогда полковник опомнился: – Вы хотите сказать, против нас сражаются... сражались... не шотландские горные стрелки, а – вампиры?

– Да, – мотнул головой Даль, – то есть нет, – кивнул. Потряс головой, будто уповая, силясь толчком случая привести мысли в порядок, которого им так не хватало. – В форме шотландских горных стрелков, да. Помните того несчастного? Раненого? Все это случилось с ним после чесночной настойки! А ведь чеснок для вампиров...

– Виноват, – теперь уже раздраженно оборвал Тучков. – Вы сочинитель, господин Даль?..

«...Или врач?» – собрав последние остатки учтивости, не спросил.

Даль покраснел.

– Я пробую... сочинять... – смущенно выдавил доктор, –

время от времени... разные... гм... истории. – Выдохнул и выпалил как на духу: — Но у меня нет таланта.

Тучков вскочил. Затушил о каблук и отбросил недокуренную папиросу – пропало желание и курить, и беседовать.

– Оно и видно, господин Даль. Оно и видно.

Он счел излишним уточнять: если тяготы службы в горном Туркестане оказались для вас таковы, что... Это было очевидно: под напором трудностей доктор спятил. Ку-ку.

Даль проводил взглядом спину – даже по осанке видно было, что Тучков возмущен. Не понял, эх, – Даль выпустил клуб дыма. Глядел сквозь сизую завесу, думал.

– ...Или я плохо ему объяснил? Я сам-то понимаю? Да, писателишка я скверный. Бесталанный. Ну и пусть. Зато я вижу – почти как настоящий. Что с того, что не могу придать своим прозрениям форму. Что слова мои лишены настоящей силы... Видеть – тоже дар. Я – свидетель. Моего воображения хватает, чтобы допустить: немыслимое – существует. Невозможное – возможно.

– Яшка! – донесся голос Тучкова. – Ты говно вынес?

А Тучков прав. Вернее, «Петербургская газета». Над Британской империей уже и так не заходит солнце – когда ее восточный край погружается в темноту, на западном день только занимается. Она уже и так владычица полумира.

Я бездарен, да. Но кое-что мне все же дано. Дар слышать зов. Воображение. Ровно столько воображения, чтобы вместить одну простую истину: у кого уже есть полмира, тому

подай весь.

Есть демоны, которые никогда не сыты. Демоны неутолимого желания.

Здесь и сейчас это не кончилось.

Даль встал. Выколотил трубку о каблук. Сунул в карман.

Он знал, что делать.

– Ну? – гремел в отдалении Тучков. – Пушкин за тебя говно, что ли, выносить будет?

Даль остановился, точно налетел на невидимую стену.

«Пушкин», – прошептал. Пушкин. Вот чей дар... Вот чьи слова... Вот чья сила была бы способна...

Но сперва нужен хороший врач. Который не проболтается. Даль призадумался, поскреб подбородок.

Глава 2. Две вдовы

Берлин. Июль 1904 года

Под вязами тень была такая густая, что доктору Далю казалось, он идет по дну. И чудесным образом дышит зеленой водой. Мелкой рыбешкой мелькали фигуры мужчин. Покачивались медузы: огромные шляпы дам. Оборки на платьях казались ресничками, щупальцами. Даль увертывался от шляп, броском огибал кружевные парасоли, усеянные по краю острыми спицами. Он летел, зажав трость под мышкой. В руке – канотье. Он опаздывал. Хуже – он опаздывал к немецкому профессору. Тот наверняка уже с назидательным злорадством смотрит на часы. А потом щелкнет крышкой – и уйдет. Не станет ждать и четверти минуты.

«Пардон, мадам», – прошипел, обогнул одну, едва не врезался в другую: о-о-о! Дамы не глядели ни под ноги, ни на бульвар. Головы у всех были свернуты набок. Глаза – стеклянные, как под гипнозом в клинике у Шарко, – не отрывались от сверкающих витрин. А в витринах – шляпки, тьфу! Свернув с Курфюрстендамм на боковую улочку, доктор Даль вздохнул было с облегчением. Тротуар теперь принадлежал ему одному. Но тут же обложила июньская жара. Никакой листвой не сдерживаемое солнце молотило по темени. Сновали авто и конные экипажи, волоча за собой запахи: бензиновые, навозные. Легкие горели, но выбора не было, и Даль

прибавил ходу. Под мышками чесучовый костюм разбух, намок. Мучила невозможность снять пиджак, жилет.

А вот и двери. Швейцар распахнул так предупредительно, что доктор Даль едва не получил по лбу.

Остановился. Промокнул платком лицо. На всякий случай беглый взгляд на вывеску. *Savoy*. Все верно. И шагнул внутрь. В прохладу. В полумрак. Глаза его, ослепленные солнцем, не сразу увидели деревянные квадратики панелей, блеск столиков, лоск кожаных кресел – и что в одном из кресел помещалась массивная фигура. Как и полагал Даль, профессор Эвальд держал перед собой часы.

Увидев Даля, он тотчас шелкнул крышечкой. Убрал золотой диск в жилетный кармашек. Приподнял радушно зад, протянул пухлую руку, блеснув золотыми запонками:

– О, дорогой коллега! Рад приветствовать. Прошу.

Рука была сухая, прохладная, чуткая. Привыкшая ощупывать больных дам: деликатно, но властно и по делу. «Рука терапевта», – подумал Даль. У хирургов обычно руки бесцеремонные и точные, как у фортепианных виртуозов. Герр Эвальд шелкнул в воздухе пальцами. Тут же у кресла вырос кельнер, склонил пробор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.